

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ФЕМИНИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ «РАВЕНСТВО – РАЗЛИЧИЕ»

.....

В.Э. Семёнова¹

Ключевые слова: феминизм, западная философия, гендерные различия. **Keywords:** Feminism, Western philosophy, gender differences

До конца XIX в. мировая наука и культура, пожалуй, не сталкивалась со столь мощным по своей сути феноменом, взорвавшим традиционные андроцентристские нормы и ценности мировосприятия и мироустройства – феминизмом. Имея довольно глубокие социальные и интеллектуальные корни, феминизм как социально-политическое движение женщин за равные с мужчинами политические права возник на закате XIX в. в Европе, разрываемой волной буржуазных революций. Активная гражданская позиция первых суфражисток, подчас открыто использующих провокационные действия, способствовала возникновению значительного общественного резонанса относительно женского вопроса. Длительная борьба суфражисток всего мира сыграла решающую роль в получении женщинами основной части европейских государств и Северной Америки избирательного права в течение двух десятилетий XX в.

Однако, как показала реальная практика, обладание политическим, юридическим и образовательным правом вовсе не гарантирует преодоление дискриминации по половому признаку. В этой связи существование феминизма лишь в рамках идеологии равноправия женщин, питающей социально-политическое движение, перестало удовлетворять потребностям действительности. Возникла насущная необходимость создания и построения нового научного знания, нестандартной методологической концепции, впервые вписывающей другой опыт женского бытия в законы функционирования и развития социокультурного пространства.

Так, в 1960-е гг. в рамках образовавшихся трех основных течений феминизма оформляются новые теоретические идеи, появление которых способствова-

¹ Семёнова Вера Эдуардовна – кандидат философских наук, заместитель декана факультета психологии Нижегородского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Эл. почта: verunechka08@list.ru

ло становлению альтернативной философской концепции социокультурного развития, представляющей на сегодняшний день современный феминизм. Новизна и нестандартность феминистского мировидения заключается не просто во вписывании женского опыта в философское осмысление бытия, доказательстве посредством ревизии современной науки и философии несправедливости и деструктивности женского исключения и дискриминации в качестве объектов и субъектов всех сфер общественной жизни, а прежде всего в новом инструменте познания и анализа, нетрадиционной методике, открывающей иные, ранее скрытые ракурсы и горизонты познания. Но самое главное, данная концепция дает возможность создания других свободных от всех форм дискриминации проектов развития и построения общества, в которых различия (расовые, этнические, классовые, гендерные и др.) станут основой равенства разнообразных и равноценных в своей уникальности субъектов и сообществ [6]. При этом особая значимость деконструкционной ревизии традиционного фаллоцентрического миропорядка, полностью вытесняющего женщин в культурное зазеркалье приватной сферы, определяется тем фактом, что она представляет собой философские изыскания, созданные от лица дискриминированных субъектов, не вписывающихся в мейнстрим социального порядка, адресованные угнетенным и предлагающие им разнообразные способы освобождения. Подчиненные и подавляемые субъекты как никто другой наиболее чутко осознают негативный характер властной составляющей социальной организации общественных и интимных отношений как отсутствующие привелегии и ресурсы несостоявшейся реализации в социуме [9].

Феминистский анализ истории западноевропейской философии показал, что патриархатная традиция интеллектуальной мизогинии относится к этапу формирования модели человеческой субъективности в ее классическом прочтении. Так, в античной натурфилософии (Фалес, Анаксимандр, Пифагор, Ксенофан и др.) антропологическая проблематика рассматривалась исключительно в контексте проблем натурфилософии, в которой гендерные характеристики – женское и мужское – являются лишь двумя дополняющими друг друга началами, суть которых проявляется в природе основных космических полярностей, на основании которых оформляется структура космоса и человеческого бытия – ночь/ день, темное/ светлое, смерть/ жизнь, левое/ правое, низ/ верх и т.д. Типичный пример некоего единства феминного и маскулинного – сформулированная Пифагором таблица основных противоположностей мира, ассоциирующихся либо с определенной оформленностью и упорядоченностью (маскулинное), либо с беспорядочностью и хаосом (феминное) [5].

Как только в западной философии центральной становится антропологическая проблематика – проблема человеческой субъективности, возникает ее ведущая оппозиция – бинарная оппозиция разума и тела (заданная уже в работах Платона и активно развиваемая Аристотелем [1; 14]), в которой разум ассоциируется с рядом позитивных характеристик, носителем которых выступает муж-

ское начало (сознание, духовность, рациональность, активность), а тело – с негативными характеристиками, которые репрезентированы женским началом (бессознательное, чувственность, нерациональность, пассивность). В соответствии с логикой подобной оппозиции Аристотель считал женщин существами низшего порядка, импотентными мужчинами, поскольку в них отсутствует принцип «души», тождественный рациональности. При этом половая дифференциация у данного философа становится не биологической необходимостью, а онтологическим принципом [1; 14].

Логика бинарных оппозиций, в которой маскулинное выступает субъектом, а феминное – объектом, оформляется в качестве концептуальной основы патриархатной метафизики, называемой в современной философии фаллоцентризмом, подчеркивающим, что бесполой приоритет разума неразрывно связан с приоритетом маскулинного начала и присущих ему атрибутов [7].

Подобная оппозиция, выступающая основанием современной западной культуры, позволяет патриархатной идеологии определять для женщины дискриминируемую социальную позицию. Женщины репрезентируются как несовершенные нерациональные существа, в то же время отличающиеся непокорностью и неспособностью контролировать свои тела и действия. В этой связи на протяжении длительного времени в философской традиции господствовала установка, называемая мизогинией, предполагающая нейтрализацию и исключение женского как из системы философского мышления, так и из системы организации общественной жизни [5].

Таким образом, сконструированные культурой гендерные различия, поляризующие сознание и общественное бытие на норму/маскулинное и антинорму/феминное, способствовали становлению идеологии и практики исключения женщин из системы этического, религиозного и социального равенства. Биодетерминистская традиция восприятия различий полов в качестве естественных, обусловленных природой и неизменных в Новое время, представленное идеями Ф. Бэкона, Р. Декарта, еще более закрепляет аристотелевскую идею разделения общественной сферы как поля деятельности разумных существ, граждан/ мужчин и семьи как области иррациональных страстей существ, чуждых общественному благу/ женщин [6].

Дальнейший шаг в вытеснении женщин за пределы концепции равенства сделал английский философ-просветитель Д. Локк, разработавший основы классического либерализма, способствовавшего пониманию равенства в качестве свободы «для всех» [2]. Однако на деле это было равенство подобных, исключаящее отличающихся от либерального субъекта (гетеросексуального белого мужчины среднего класса) американских рабов, индейцев, бродяг, нищих, коренных жителей колоний и женщин. Дело в том, что в XVIII–XIX вв. различие трактуется как противостоящее равенству, подчинение женщин мужчинам имеет «природное» основание, а следовательно, непреодолимо [6].

Что касается современного либерализма, то он строится на представлении о том, что общество основывается на признании политических и экономических прав человека, которые определены и гарантированы принятыми законами. В то же время частная сфера оценивается как основное поле деятельности женщин, выведенных тем самым за пределы гражданственности, исключенных из политического дискурса о равных правах.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что конструирование западной философской традицией различия в качестве противостоящего равенству обусловило необходимость появления альтернативной концепции, противостоящей главенствующей политике и идеологии, в нашем случае – возникновение феминизма, призванного решить данную дилемму, создать принципы и нормы построения общества, свободного от дискриминации [5].

Феминистская теория была нацелена разрешить противоречие западной философии между равенством и различием. Впервые найти выход из данной проблемы попытались либеральные феминистки (первая половина XX в. – Алис Пол, Джозефина Голдмарк, Флоренс Келли, Элеанора Рэтбоун и др.; последняя четверть XX в. – Бетти Фридан, Эллис Росси, Джанет Ричардс, Сьюзан Окин, Натали Блюстоун и др.). В своих изысканиях они опирались на ключевую идею о том, что женщины – это личности, обладающие разумом, что им от рождения присущи все человеческие права и на этом основании они должны быть свободными в выборе своей роли в жизни и в развитии собственного потенциала наравне с мужчинами [6]. Согласно данным принципам на первоначальном этапе идеологи либерального феминизма требовали для женщин права голоса, права на образование, на оплачиваемую работу, на собственность; их целью было абсолютное юридическое и политическое равенство с мужчинами. При этом либеральные феминистки были убеждены, что данные меры принесут несомненную пользу не только женщинам, но и мужчинам, обществу в целом [4].

Подобные требования о равенстве прав были подкреплены методологической посылкой об отсутствии принципиальных различий между женщинами и мужчинами, которые разделялись, в частности, Сьюзан Окин, Натали Блюстоун [5], Бетти Фридан [12] и др. В качестве единственного различия определялись репродуктивные возможности женщин [4]. Иными словами, представительницы либерального феминизма пытались вписать идею гендерного равенства в классическую концепцию равенства на основе оперирования ее ключевыми понятиями и положениями.

Однако нивелирование реально существующих различий в сконструированных гендерных ролях завел либеральных феминисток в методологический тупик, не позволивший решить вопрос о преодолении дискриминации женщин в экономической, политической, правовой и частной сферах. Игнорирование опыта материнства и связанных с ним издержек, не позволяющих на равных конкурировать с мужчинами в мире, устроенном на основе маскулинных норм и ценностей, отсутствие понимания инаковости и в этой связи необходимости особой

государственной поддержки работающих матерей во многом привели к консервации деструктивной социальной политики в отношении женщин.

Представительницы данного направления оказались заложниками собственных убеждений, которые, как им казалось, позволят женщинам стать равными с мужчинами. Любая конкуренция с представителями мужского пола, с их точки зрения, должна организовываться исключительно на равных условиях, поскольку любое признание различий может быть истолковано как доказательство неполноценности женщин либо как низведение последних до биологической функции [6; 12]. Подобное упрощенное понимание гендерных различий и основ равенства не позволила постичь природу и источники угнетения женщин, разработать адекватную стратегию искоренения дискриминации по признаку пола. Попытка распространения либеральных принципов на представительниц женского пола создала реальные проблемы (обострение гендерного неравенства в обществе) и привела к определенным теоретическим заблуждениям. Дело в том, что равные права могут рассматриваться лишь как стартовые позиции для преодоления гендерной асимметрии в обществе, разрушение которой невозможно без осознания сложности властных оснований, пронизывающих так называемые общественную и частную сферы, находящиеся в тесной диалектической взаимосвязи.

Новое видение проблемы равенства полов на основе определения различий в рамках феминизма было предложено представительницами радикального течения (Кейт Миллетт, Суламифь Файерстоун, Андреа Дворкин, Кристина Дельфи и др.). Если либералки развивали стратегии равенства женщин с мужчинами в рамках существующей гендерной системы, то радикальные феминистки стояли в оппозиции к ней [11]. При этом данное направление, разработанное женщинами для женщин, опиралось исключительно на женский опыт и представление о том, что женщины как группа имеют общие интересы, объединяющие их в сестринство, которое выше разделений на классы и расы [6]. Радикалки отвергали любое взаимодействие с существующими политическими и философскими концепциями, поскольку видели в них идеологические основы разоблачаемого ими патриархатного общества с его институтами подавления феминного [11]. В плане решения вопроса о равенстве и различиях обосновывался тезис о принципиальном отличии женской и мужской сущности, представленный в работах таких теоретиков, как Ненси Ходоров [13], Андреа Дворкин, Кэрол Гиллиган, Адриан Кавареро [6] и др., в связи с чем радикальные феминистки отвергали саму возможность и необходимость борьбы за равноправие с мужчинами на основе оперирования маскулинными концептами патриархатного мироустройства [4].

По сути, представительницы радикального феминизма возродили эссенциальную женскую сущность с ее особой ценностью и самобытностью, на основе которой они предполагали создание сепаратной женской культуры [4; 6]. Обращение к биологически фиксированной феминной сущности возродило био-детерминизм, с которым так упорно боролись сами феминистки, определявшие

его в качестве одного из оснований утверждения гендерного неравенства в обществе. Противоречие между равенством и различиями вновь стало непреодолимым. Радикалки своими биодетерминизмом и эссенциализмом ввергли идеи феминизма в методологический тупик, своими экстравагантными проектами подорвали доверие к женскому движению. Ими вновь утверждалась бинарная оппозиция феминного и маскулинного, выступающая основой социального угнетения по признаку пола. Кроме того, радикальный феминизм показал свою ограниченность в плане нежелания учитывать другие стратификационные категории – класс, расу, этнос, определяющие специфические позиции и интересы субъектов внутри гендерных групп, что сделало данное претендующее на универсальность направление, несмотря на все позитивные достижения (ревизия традиционной науки, философии и идеологии), неспособным разрешить возложенные на него задачи. Утопичность радикальных проектов сепаратизма показала, что преодоление гендерной дискриминации невозможно без учета других детерминант, находящихся в сложной взаимосвязи и взаимообусловленности [6].

Выход из интеллектуальной западни радикальной логики разрешения противоречий между различиями и равенством был найден посредством развития феминистками некоторых идей постмодернизма. На этой основе постмодернистские феминистки (Люси Иригарэ, Юлия Кристева, Элен Сиксу, Розы Брайдотти и др.) впервые в истории феминизма дали принципиально новую оценку обозначенной проблемы [6]. Представительницы данного направления, опираясь на постмодернистскую концепцию субъекта с его нефиксированной, вечно становящейся и переопределяющейся идентичностью, свободной от каких-либо жестко закрепленных гендерных, расовых, этнических стигм, определили различия не в виде антинормы и ущербности, а в качестве основного источника личностного и общественного развития [3; 8; 10]. Разнообразность и вариативность гендерных, расовых, этнических и классовых инвариантов впервые соотносилась постмодернистскими феминистками с возможностью поиска и построения свободного общества, опирающегося на ценности плюрализма личностей и социальных устройств [6]. Феминизм данного направления позволил услышать голос этнофеминизма, преодолеть универсализм и евроцентризм в понимании женской проблематики. «Смерть субъекта», за которую часто критикуют сторонниц постмодернистского феминизма (в частности женского субъекта) и о которой в своей работе «О китайских женщинах» однозначно заявляет Юлия Кристева [6, с. 125], способствовала открытию методологической посылки разработки и реализации гендерно чувствительной политики, учитывающей все возможные детерминанты, обуславливающие социальный статус индивидов.

Дальнейшее развитие обозначенные постмодернистскими феминистками аспекты получили в рамках возникшего в недрах феминизма гендерного подхода в изучении социальной реальности. Гендерная методология, имеющая в своем арсенале такое средство анализа, как категория гендера, вскрывает основы и механизмы влияния и воспроизводства данного феномена в общественной структуре

и идентичности субъекта, вскрывает его значение для данных систем и определяет пути и способы преодоления негативных тенденций на основе разработки концепции гендерно справедливого общества. Вариативный, исторический характер гендера как научного понятия позволяет констатировать значительные возможности в плане обнаружения иных перспектив изучения и построения социальной реальности, переопределения содержания самой обозначенной категории и взаимосвязанной с нею проблемы равенства и различия. Гендер как дитя феминистской мысли по-прежнему обладает несомненным политико-философским зарядом, провоцирующим дальнейшие исследования и преобразования.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983.
2. *Бахрушин С.В.* Джон Локк – Английское свободомыслие. М.: Наука, 1986.
3. *Брайдотти Р.* Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дм. Буланин, 2000.
4. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001.
5. *Воронина О.А.* Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001.
6. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. *Жеребкин С.В.* Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: учеб. пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
8. *Иригарэ Л.* Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
9. *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. М.: РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2001.
10. *Ладыкина Т.А.* Феминизм в культуре постмодерна. Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004.
11. *Миллетт К.* Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9.
12. *Фридан Б.* Загадка женственности. М: Прогресс, 1994.
13. *Ходоров Н.* Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А.Темкиной. СПб.: Дм. Буланин, 2000.
14. *Чанышев А.Н.* Аристотель. М.: Мысль, 1981.